

**Неброшенный камень
(2001)**

Редактор-составитель электронной версии сборника Сергей Сычев

«**Неброшенный камень**» – пятый сборник стихов поэта Алексея Горобца из станицы Полтавской Краснодарского края.

Из аннотации к книге: «Новый поэтический сборник Алексея Горобца сохраняет свойственную автору лирическую тональность, ощущение живой одухотворенности окружающего мира.

Нотки «философской меланхолии» лишь подчеркивают оптимистическое звучание его стихов.»

«Во многих стихах этой книжки с первых же строк исподволь начинает звучать музыка – музыка преображения. Привычные вещи, слова и поступки преображаются – проступает их скрытый, внутренний свет. В этом свете разлад и хаос превращается в гармонию, и бытовуха, одухотворенная высшим светом, становится Бытием.». *«Сдвигаю время...», Георгий СОЛОВЬЕВ, доктор филологических наук, заслуженный журналист Кубани.*

Данный сборник стихов – первый в ряду сборников поэта, в которых поэзия Алексея Горобца встала перед читателем «в полный рост», во всех своих богатстве, многообразии и силе. Этим сборником открывается новая страница в творчестве А.Горобца – поздний период – в котором его поэзия, за отправную точку которой зачастую берётся незначительный факт, пустяк из окружающей поэта жизни, наполняется глубоким философским смыслом, нотками грусти с высоким полётом мысли и духа, яркими и красивыми метафорами, неожиданными присущими только Горобцу словообразованиями, при этом ни на секунду не теряет лиричности и магнетической притягательности поэтического слова, так характерных для вершин русской поэзии, к числу которых составитель электронной версии сборника не задумываясь, относит поэзию Алексея Горобца позднего периода.

Великий серб Никола Тесла утверждал, что повсюду вокруг нас разлита в огромных количествах энергия и надо только научиться получать её, найти способ брать её извне. Похоже, что Алексей Горобец нашёл такой известный одному ему способ, ибо невозможно соприкасаясь с его стихами, не заметить одного интересного свойства – его стихи неизменно заряжают читателя позитивной энергией, дают новые силы для того, чтобы жить и уже в

который раз, настроясь под влиянием стихов Горобца на философскую волну, попытаться отыскать для себя ответы о смысле этой жизни.

Алексей Борисович Горобец родился в 1936 году в Краснодаре. В 1960 году окончил Ленинградскую военно-медицинскую академию им. С.М.Кирова, служил в Ракетных войсках стратегического назначения. Автор десяти поэтических сборников, член Союза писателей России, публиковался в журналах «День и ночь», «Наш современник», «Континент», других периодических изданиях, лауреат литературной премии «Медицинской газеты». Стихи А.Горобца включены в антологию поэзии XXI века.

* * *

Всё течёт,
Всё меняется к лучшему.
Или худшему? Разве поймёшь!..
Огрызаясь от случая к случаю,
Ты за пазухой камень несёшь.

Прёшь свой камень.
Он вздорен и странен,
И тяжёл,
Только кто ж его ждёт!
Всё течёт,
Всё меняется с нами:
Вечен
Кукиш в дырявом кармане,
Пыль забот
Да репей у ворот.

И скрипит, и пинает мослами
Нас судьба – недогляд, недород,
Недолёт, новых бед наворот...
Загружает нас время делами!
Всё течёт,
Всё меняется – с нами
И без нас.

И неброшенный камень
Возвращается в свой огород.

* * *

Шаманить в бубен,
Голову обрив, мы

Готовы над любой своей строкой.
Избыточность, избытость,
Кризис рифмы...

Одна нога у камышовой нимфы,
В карманах руки
И – ни в зуб ногой!

О, цапля серая и сизая дрофа!
Мы в камышах
Присутствуем при родах:
Рождение дня – восход совсем кровав!
И одинок, и бесконечно прав
Пребудет день...
А комарью – лафа!
И клёв, и лов, и тащится природа...

И мнет в необъятности восхода
Ночная отсыревшая строфа.

* * *

Жёлто-синий твой сон!
Пыль-дорога, полынь, трезвон.
Выбегают из ряда вон –
И вдогонку, и на обгон –
Тополя, что в пыли разлистились.
Независимость!..

Охмуряют весёлой злобою,
Вьются оборотни-слова.
А дорога пылит, крива.
И взлетает, ушами хлопая,
И возносится, думать пробуя,
Обалделая голова.

Нам бы счастья.
Да где бы взять его!..
Степь да степь – ковыли, трава.
Миражи, камыши у рва...
И, ухаб угадав едва,
Жмём на газ –

И рихтуем вмятины,

И скрипим,
И скулим в объятиях
Той любви,
Что всегда права.

* * *

Запах сна, нищеты
И предательства,
И пригасших к утру очагов.
Как легко мы творим обстоятельства,
Не меняя в себе
Ничего!

Причаститься не счастья –
Несчастья,
Воспылать на костре,
На кресте!
Остальное всё – деепричастия,
Мимоходом, впотьмах, во тщете...

А садам
Серебреть и хранить
Паутины осеннюю нить.
А плодам
Осыпаться и гнить,
Удивляя осенними яствами.

Нам дано
Изменять обстоятельства.
Нам себя
Не дано изменить.

* * *

Викентию Пухову

Коса на камень: змий зелёный
В ковше – и не дрожит рука.
Батон, головка чеснока,
Табачный дым. Ещё пока
Мы верим в мудрость самогона!

Уже цветут рододендроны,

И трын-трава сомкнула кроны,
И плещет в кружке змий зелёный
И верит в мудрость табака!

И на изломе час Быка.

И родниковы облака.

* * *

Мы дни листаем,
Не считая:
Всё ясно, бросово и просто.
Где надо – точка-запятая.
Где очень надо – знак вопроса.

А где не надо –
Мокрый вечер,
И ветер, тот, что только с юга,
И лето, и спешит подруга,
И – что ещё там? – чёт и нечет,
Случайность в океане истин
Житейских, где свинцовы брызги,
Где время расшибётся вдрызг и
Нас друг от друга не излечит.

И несть числа
Усталым стаям,
И чёрен
Вереск на откосах...

И зависает запятая,
И незаметен знак вопроса.

* * *

Образованщина (по Солженицыну):
Интеллигентность съел интеллект.

Под тополями да над криницами
Ряды раскинул торговый век.

Над тополями, над кипарисами
Высоко небо – лазорь, лазурь...

Но камнем виснет,
Чтоб не разбиться нам,
То ль наша мудрость,
То ль наша дурь...

Да не ленивы мы!..
Да и не трусы мы.
Летим! – и Бог нас оберега...

И сине-море с глазами грустными
Шуршит ракушкой, камнями хрустает
И бьёт в бетонные
Берега.

* * *

Рассвет.
И – надо же! – восход...

Подспудной памяти движенье
Сродни движенью талых вод:
За ледоставом – ледоход,
Весна – и поумнел народ!

Но это – преувеличенье.

Лишь беды наше обретенье,
Лишь боль мы числим за собой:
Отчаянье Помпей и Трой,
Степных шатров лебязьи крылья
И византийское бессилье
Колоколов, что в хлад и в зной
Всё громыхали, голосили...

Как обустроить нам Россию?
Поди, попробуй – обустрой...

* * *

Над неуступчивым стихом
Не тщусь, не мудрствую лукаво.
Стихам налево? Мне направо!
И на неправую расправу
Их отпускаю голяком.

Но тянет их, несёт упорно
На территорию любви.
И вот – ты лишний. Не юли!
Не спотыкайся! Не скули!
Иди направо – и покорно
Считай обиды, как рубли.

И загрусти над той строкой,
Над той рекой, где глыбы зыбки,
Где ночи злы, а зори хлипки,
И некто в ступе и с клюкой
В сетях для рыбки золотой
Застрял –
Ну, просто по ошибке...

* * *

Полдень. Цикады. Жара.
Сквозь перекрытые ставни
В пыльном луче – золотые протоны-нейтроны:
Сгибших любовью твоих неисчётные клоны!
Время застыло –
И память в пыли стародавней.

Ходят в садах голубые от пыли вороны.
Спят на заборах в брезгливой истоме коты.
Зреет айва. Бронзовеют тяжёлые клёны.
Пыльные кроны. Усохшие листья-цветы.

Время застыло –
И нас обручило с собою.
И обозначив бессилье своё и тщету,
Позднее счастье – чужое? Конечно, чужое! –
Нас обнимает в осеннем цветочном бреду.

Но, засыпая,
Мы всё ещё верим в рассветы,
В жаркой тоске припадаем к ночному костру...

И отпустив,
Навсегда упустив своё лето,
Благословляем вечернюю эту жару.

* * *

Вот это – Божия гроза!
Светла, распахнута, свирепа!
Перевернув, придвинув небо,
Творит над нами чудеса.
И ропщет хлипкая фелюга,
В себя не веря ни на грош.
Весло, спасательных два круга,
Прильнувшая к тебе подруга
И рвущий пену дикий дождь!

И всё, что надо и не надо
Твоей стране – грозе одной
Сейчас доступно, и разлада
Нет между ливнями и мной.
И по неммыслимой кривой
(Моя беда – его награда)
На волнолом, где автострада,
Несёт нас вихрь водяной!..

А взмокший, взмыленный прибой,
Перетрудившись до упаду,
Уже устал
И сникнуть рад бы...
И небо,
Небо и прохлада,
Над всей страной,
Над всей страной...

* * *

Сплошные дыры и прорехи!
Усевшись прямо над избой,
Вороны жрут мои орехи,
Швыряясь острой скорлупой.

Я их стращаю из рогатки,
Ору на них, но им плевать.
Весь белый свет – и взятки гладки! –
Они готовы обожрать.

Да что там сгибшие орехи!

Ещё досталась на орехи
Нам мелочь будничных утех,
Успех в латании прорех,
Большой залёт с постылой новью,
Вороньи чёрные гнездовья
Да этот грязный первый снег...

И за несбывшейся любовью
Твой долгий,
Горестный забег.

* * *

Викентию Пухову

Нам известно заранее
Всё, что наоборот.
Утро, злое и раннее,
Отболит и уйдёт.

До утра нам искусные
Всё стонали сверчки.
Незадачливо хрустнули
Под ногою очки.

Зябко в банном халате, но
Терпелив наш рассвет.
Зашуршит выжидательно
Серый ворох газет.

И рекламой, кроссвордами,
Казино-шапито,
Кони с мерзкими мордами
Загарцуют в пальто.

И заполнив молчанием
Пустоту между строк,
Поскучаем за чаем мы
И вперёд, за порог –

За порог понимания,
За черту, за предел,
Где глумлив и так странен нам
Старых дел передел,

Когда она повсюду,

И везде
Повянули грибы, иссохли травы,
И гибнут деревья, и – Боже правый! –
Нам тоже
Место в этой череде...

* * *

Ни новых мыслей, ни идей
Нам не родить – они извечны.
Они вне нас, вовне –
И встречный
Нам их швыряет ветровой.

И трепещ, и холодея,
Мы постигаем: жизнь права!
Пряма ль история, крива –
Осуществляются идеи,
Овеществляются слова.

И стынет,
Косен и не нов,
Наш век
На иглах телевышек,

И запределен и неслышим
Надсадный крик летучей мыши
В сетях
Трамвайных проводов...

* * *

Не упусти приметы лета:
По снегу – розовая тень.
Заявлен праздничным рассветом
Твой бесконечный зимний день.

Ещё не отошла дремота
И не остужена беда,
А лето – здесь и навсегда:
Синичья звень и суета,
Игра нетронутого льда,

И облака, и позолота,
И незаметная работа
Подснежной прели,
И пугает
Ворон в саду сорочий сленг,

И синь,
И музыка играет,
И холод руки опускает...

И на погосте тает снег...

* * *

Николаю ИВЕНШЕВУ

Живём мы как-то всё не в лад,
Всё невпопад – спешим,
Судьбу смешим, а листопад
Свой шёпот в шорох шин
Уже вплетает, и асфальт –
Как жёлтая река,
И в жёлтых омутах дрожат
И вдруг буксуют и визжат
Огни грузовика.

И путь наш короток и прост,
И прост буксирный трос,
И время тихо задаёт
Осенний свой вопрос.
И свой черёд, и свой расклад
Нестройный птичий клин
Несёт, срываясь наугад,
Сюда, где вечный листопад,
И мы, и счастье невпопад,
И шорох, шорох шин...

* * *

В глазах простор,
А в мыслях пусто.
И ничего нейдёт на ум.
Какое тут, к чертям, искусство
Самопознания!..
Пьяный кум

Уже гремит в снях щеколдой,
Звенит убойным бутылём.

Конечно, будет шум и гром,
И мой гостеприимный дом
Зальётся по уши!

И подлый
Твой бес похмелья с мордой бодрой
Вздыхнул,
Зевнул,
Вильнул хвостом –

И ноги положил на стол...

* * *

Где на ветру
Изябнул и продрог
Седой, едва живой, чертополох,
Где лебеду
Дождёвывает изморозь,
Прорезались вдруг,
Выставились,
Вызрелись
Побеги серо-бурой белены.

В обманном ощущении весны,
Опасны,
Безрассудны и больны,
Они ещё дотянут до морозов...

И, как и мы,
Сойдут в глухую прозиму,
Где мёрзлых трав затоптанная просинь,
И стынь,
И наркотические сны

Изябшей,
Отмороженной страны.

* * *

Мы верили,

Что всё непонарошку!
Что вот ещё чуть-чуть,
Ещё немножко,
И будет – з а в т р а.
Где же вы, простецкие,
Костры, горнисты,
Речки с перелесками,
Зарницы, разговоры до утра!

Костры остыли, сгасли вечера.

И завтра
Отступило во вчера.
И до утра
Мазками злыми, резкими,
Бессонница вымарывает резвые
Твои мечты,
И грязно-серый цвет
Уже привычен, и надежды нет,
Что прошлое,
Где завтра и вчера,

Продержится
Хотя бы до утра...

* * *

Над каждым – созвездие,
Мы это знаем, и вести
О замыслах ловим,
О помыслах наших созвездий.

И звёзды нам верят,
И нас они
Оберегают.
И тают снега,
И капель,
И вороны летают.

А лето – ну вот оно,
Слякоть осеннюю месит!
И вязнут дожди,
И позёмка всю куролесит...

И, круг замыкая,
Мы всё оставляем на месте,
Мы, слабые тени
Придуманных нами созвездий.

* * *

Сезон вневременья.
Ни снега, ни дождя нет.
Всесилье и всевластье пустоты.
Похоже, осень так и не дотянет
До тёплых снегопадов. Пусто. Ты
Уже не вспомнишь:
Темень, скорость света,
Остылая, в развалинах планета,
Квадрат луны отметиной вины...

А звёзды,
Те, что нами возжены,
Всё падают...
А небу – хоть бы хны!
Оно своё возьмёт,
И, воздавая
Делам твоим,
Нас доведёт до края
Земной эклиптики –
И выведет за край...

И – всё просчитано!
И лень твоя земная,
И холод запоздалого трамвая,
И стлань любви – от края и до рая...

И этот,
Возвращённый невзначай,

Пустынный твой,
Твой выстуженный
Рай...

* * *

От сглаза,
От дурного глаза,

Не уберёт тебя прогресс!..
А расставаться лучше сразу.
Перемолчать, закончить фразу...

Закатно, тускло и безгласо
Взывает солнце. Красный лес
Шагнул и по колено влез
В болото, в жижу. Ум за разум
Заходит от усилий без
Надежд, и греет руки алчность,
И дышит рядом и окрест
Добро с пудами-кулаками,
Душевность с резвыми клыками
И топи, полные чудес...

И даль бесцветна и невзрачна,
И отвратительна прозрачность
Холодных вод, пустых небес...

* * *

Душе пристало вслед за телом
Стареть – и заниматься делом.
Но неразумной, неумелой,
Ей высоту подай, полёт!
А тело – тело, ясно дело,
Подустарело. Подведёт.
Душа витает. Ей не спится.
Ей – вспылать, обнять, объять!..
А тело – смело громоздится
Туда, где к печке притулиться,
Вздremнуть, перевернуть страницу,
Поразмышлять, порассуждать,
Явленья тронуть и предметы,
И если можно – надкусить.
И вить связующую нить
Судьбы с окрестным белым светом.

А за спиною – тьма, ни зги.
А впереди – туман, извивы
Дождей, и топчутся мозги
По бездорожьям чепухи,
Простив душе её порывы.

* * *

А жизнь –
Опасна и строга.

Сохатый почесал рога,
Напряг тяжёлый лоб и –
И не узнала берега
Парнокопытная нога:
Болота, плавни, топи...

К воде приладилась ольха.
Глухие травы-стены.
И в небо
Он вознёс рога.
И понял я – антенны!

Не знаю,
Где он пребывал,
В какой такой пустыне,
О чём и с кем он толковал,
Но мой отчаянный сигнал
Он – всё-таки! –
Воспринял!
И – в воду, в топи, напрямик!
А дальше – степь, околки...
О, просветленья миг и миф,
Обломки и осколки!

А я – к себе.
Но не успел.
Куда мне без сноровки!..
И спину мне обжёт прицел
Оптической винтовки.

* * *

На постсоветское пространство
Напастей – выше головы!
А голова – у государства.
И даже – две! – у государства
Клювастых крепких головы.

Одна, что слева, - та лукаво
Всё норовит стращать, кусать.
Другая – вывернулась вправо:
Вполне расчётливо и здраво
Поговорить, потолковать,

Ну, хоть о чём – о прозе жизни,
О мелкооптовой отчизне,
О гимнах, флагах и гербах,
Где в двух распластанных крылах
Былая боль, былая слава...

И где тут лево, что здесь право,
Поди, попробуй угадать!

Нам не впервой и не внове
Без проку, без толку морока.
И ни царя порой, ни Бога
Ни в той, ни в этой голове!

Сама себе, сама собой
Страна живёт и выживает...
И всё, что в голову взбредает,
В одну – неведомо другой.

Но верят обе, что правы!
«Так ты за белых или красных?!»

Что нам готовят – тризну? Праздник? –
Две несовместных,
Разномастных,
Клювастолобых головы...

* * *

Дождь моросит. Морозит
Только к утру. Всю ночь
Стонет над нами осень,
И золотую россыпь
Листьев роняет дождь.

Мокрые блики счастья!
Только не забывай:
Он сотворён ненастьем,

Наш горьковатый рай...

Лёт запоздалой стаи
Вычертит след в окне
И навсегда растает
Где-то над нами, вне

Наших надежд, снаружи,
Там, где обрящем вновь
Таинство вьюжной стужи,
Кротость своих снегов.

И отзвучит нелепо
Утлого счастья дрожь,
Вскинется ветер слепо...

И опрокинет небо
Дождь, завершая ночь.

* * *

Полетели жёлтые листья.
Полетели белые гуси.

Угадать,
Далеко ли, близко
Наши горести – не берусь я:
Наши старости,
Наши беды,
Что приходят за летом следом –
Первым снегом, беспечным русским,
Сухотравьем, пропахшим грустью,
Давним счастьем, забытым где-то...

И последним
На всё
Ответом.

* * *

Тобаго или Тринидад?..

О, этот дикий аромат
Невызревшего чуда!

Незримы зимы и лета,
Но нет и малого следа
Там, где я не был никогда
И никогда не буду.

Там ныне вечная весна,
И ты, наверное, одна,
И блики нашего окна,
И медленное стадо
Домой плетущихся коров,
И тишь,
И сглаженность углов,

И дальний смысл
Тех вещей снов,
Что понимать
Не надо.

* * *

Весенний морок пучеглазых звёзд.
Весенняя дневная лепота.
Цветёт и отцветает лебеда.
Птенцы вороньи падают из гнёзд.

И тесен мир за письменным столом.

Не познан,
Не осознан до поры
Наш белый свет,
Но эта или та
Вдруг падает падучая звезда,
И подставляет истина уста
Нам в просверке озоновой дыры.

И счастье наше коротко и зло.

Птенцы вороньи встали на крыло.

* * *

Всё вдруг сковал мороз!
Суть естества
Нестойких агрегатных состояний

В стремленья обдурить, надуть...
Но я не
Зело умён, и я стою на том:
В округе всё сковало –
Вечным льдом!

Нас оглушил,
Опустошил мороз.
Нас холод обложил дурацкой данью,
И ни тепла, ни просто обещанья,
Ни вместе,
Ни, тем более, поврозь.

И вся любовь!.. Озноб и маята.

Лишь на стремнине чёрная вода
Ещё дымит, не ощущая льда...

* * *

Воспрявших трав
Разлёт и взлёт –
Отмытый грех июльской засухи.
Ветвей сплетенье и разброд,
Остывшее мерцанье вод
И незаметный поворот
К осенним снам.

Побеги-пасынки
Плюща берут на абордаж
Плетни, ограды, средостенья
Калиток, чьё предназначенье –
Вводить собак в визгливый раж.
Сычи ведут свой репортаж
С низин – и эти песнопенья
Темны,
И ночь добавит тьмы,

И до утра не верим мы

Ни в судный день,
Ни в искупление,
Ни в катастрофу потепленья,
Ни в близость

Гибельной зимы.

* * *

Природа рвёт свои контракты
С тобой: болезни, чехарда
Невзгод – печальное контральто
Холодной осени!
Пуста
Твоя рассудочная трезвость.
И – день за днём, и бесполезность
Хозяйкой топчется в душе.

Подруга в бледном неглиже –
Луна – лениво, неохотно,
Проклюнется, заглянет в окна,
Смутясь, скользнёт к карандашу
И коленкоровой тетради,
Где с чашкой чая на ночь глядя,
Я, как стихи, долги пишу.

Долги – за газ и отопленье,
И свет, и светопреставленье,
Которое имело быть,
Но мы с тобою, стало быть,
Смогли презреть его наличье,
За неразборчивую прыть,
За всё,
Что с горьким безразличьем
Мы по ночам в общенье личном

Избыть сумели
И забыть...

* * *

Мне снился, конечно, Париж!

Поля Елисейские, башня
Под небом, французские «башли»,
Кабак незаметный и тихий –
Ротонда над плесенью крыш.

И Сена,

И сонные блики
На серых гранитах
Невы,
И сад,
И литая ограда,
И – что ещё, что ещё надо

В копне
Васильковой травы!..

* * *

Мы счастья – увы! – не обрели.
Всё просто –
Мы друг друга не нашли.
Вселенная – ей должно расширяться.
Об этом можно было догадаться
Чуть раньше – отрываясь от Земли.

И тайно,
По космическому коду,
Взывая «SOS»,
Мы задаём работу
Заблудшим снам –
И предаём свободу
Пространств ночных,
Что вчуже обрели

Взамен любви –
Любви своей вдали.

* * *

Ренате Казанцевой

Упрёшься носом в свой забор –
И самому себе завидно.
А в небе – синодальный хор
Фламинго.
Им тебя не видно.

Не виден им ни твой забор,
Ни малый сад твой,
Ни усилья

Твои в саду.
Ведут их крылья
С судьбой и небом разговор.

А здесь, внизу,
И тих, и тесен,
Твой белый свет –
Трава, листва,
Тоска-печаль, что не нова,
И эти поздние слова –
Слова любви...

А в поднебесье
Звучит хорал.
И нет сомненья –
Всё поправимо, всё,
И ты –

Всего лишь способ заземленья
Надежд
Высокой
Чистоты.

* * *

Теперь весна.
Теперь молчать и помнить
О неизбежном таянье снегов.
Ночная белизна, свечная копоть,
Прикосновенье – локон или локоть,
И потрясенье праведных основ
Любви, уже охлынувшей отчасти,
Ушедшей в тишину.
И самовластье
Передрассветных торопливых снов.

Теперь –
Терпеть весенние свершенья:
Наш, по зиме растроченный вдвоём,
Восторг почти свободного паренья,
Броженье, обнажённость – окоём,
Размытый мричкой, сотканный дождём,
И даль дорог, сулящих возвращенье...

И этот вечный камень преткновенья,
Поросший цвелью, мохом, лишаем...

* * *

Несхожи,
Несовместны мы ни в чём –
Сплошное отрицанье отрицанья.
Попытки внять – на грани истязанья.
И наши непощенья и прощанья
И обещанья
Вовсе не при чём.

Реченье рек, разбуженных теплом,
Моление льда, весеннее присловье
Капли, пришлых слов немногословье –
Всё заглушает звонкое злословье
Сливных ручьёв, срывающихся днём.

Но терпит нас,
Бог весть чему в угоду,
Чадящее кострище вороша,
Весна – и снегопадна и рыжа.

И гасят свет ночные сторожа.

И за день изболевшая душа
Вбирает темь ночного небосвода.

* * *

Заросший сад.
Господние задворки.
Вороны – крик, разборки и разбой.
Автомобиль отечественной сборки
Уткнулся в небо ржавой головой.
Кирпич, следы строений, запустенье.
Насилье времени над смыслом и собой.
Любое слово вносит разноречья
В обыденность,
Рождая вожделенье
В колодезном ведре поймать рукой
Хромую щуку,
Чтобы разночтенья

Любви неправедной, похожей на разбой,
Взошли волшбой
В саду, где пыль и зной, –

Где сгибли,
Потерялись мы с тобой
По твоему, по щучьему веленью...

* * *

Тоска-кручина нелюбимых глаз.

Дрожит крушина,
Тихий свой рассказ
Ведёт о зимах, прожитых метелях.
Терновник,
В паутинах, повителях,
Осыпав грязно-синие плоды
Себе под ноги,
Слушает и верит.

И бьёт волна о выдуманный берег,
И с кротостью душевной простоты
Всё шепчешь мне,
Всё повторяешь ты
О счастье нашем
Тихий свой рассказ...

В тоске прекрасных
Нелюбимых глаз.

* * *

Пустыми, прозрачными рощами
Плывёт паутиная нить.

Теряет нас век – и не ропщем мы!..
Как много, однако же, общего
У нас, не отвыкших любить
Свой гуж, свой хомут...
И по случаю
Обряща голодную сыть
Свободы, мы тщимся забыть
О прошлом –

О том, нераскрученном,
С камнями, гучами, кручами...

Где мы растеряли всё лучшее,
Успев и его оглупить.

* * *

И ни зла не иму,
Ни боли я.

Ветер на пепелище старом
Грезит жаром,
Грозит пожаром,
Застит разум ночным угаром.

Это – нашей любви агония.

Это на пепелище старом
Счастья нашего метрополия,
Обирая саму себя,
Отдаёт – за спасибо, даром! –
Всё до нитки – своим колониям,
Расторопным своим лимониям,
Ненасытным,
Неблагодарным,
Оголтелым своим окраинам.

И ни меры, ни дна,
Ни края нам!..
Лишь под утро
Тоскливый страх
Скалит зубы грифоном раненым...

И полощется по окраинам
Вождельня пиратский флаг.

* * *

История – неточная наука.
И в этом мнится некий недочёт.
Опять – скучна, глуха и близорука –
Рассудочность, брюзгливая старуха,
Меня по кочкам топким понесёт.

И обозначит светлое на тёмном,
И подмалюет тёмному рога,
Копыто или хвост, хотя рука
Уже творит движеньем потаённым
Знаменье крестное, сбиваясь...

И пока
Ещё есть время, всем неугомонным
Своим любовям, верам полусонным,
Надеждам, что заглядывают в рот,
Ты спешный учинишь переучёт.

И всё пройдёт.
И тихий снег пойдёт
Над безутешной скаредностью дней.
И явит нам погиблое столетье
Осколков слов, молчанье, междометья...

И сладость инея,
И белые соцветья
Рассветной изморози в кипени ветвей.

* * *

Ты уезжаешь.
Каплет.
Слёзы
Незрелых туч ещё светлы.
Пьют из-под крана воду осы,
И мокнут синие стрекозы,
И привередливы и злы
В билетных кассах мониторы.
И поезд –
Медленный, но скорый –
Пыхтливо топчет полотно.

Грехопаденье тусклых яблок
С ветвей уже завершено.
Пырья зелёное рядно
Повыцвело, бессилье тяпок
Забыто в междурядье грядок,
И занавешено окно.

И поезд топчет полотно,
Входя в другое измеренье.

И обрастает дребеденью
Пейзаж, и дребезжит стекло,
И что во благо, что во зло –
Не угадать, и отошло,
Ушло беспечное тепло –
В поля, в холодное биенье
Дождей,

И наше противленье
Дождям
Пока ещё светло.

* * *

Свежо предание,
Но верится с трудом...

Распродадим
Цветной металлолом,
Осядет дым и отсыреет дом,
Забьёт по крышам мокрый метроном,
И осени цветной водоворот
Отнепогодит всласть
Да и уйдёт.

И той зимой,
Что с нами заодно,
Зимой,
Где, в общем, всё предрешено,
Мы будем знать,
Как дальше быть и жить,
О чём жалеть,
А что, забыв любить,
И верить лишь снегам,
Метелям... Но

Темно грядущее
И сущее – темно...

* * *

Опять разлад, шатанье и разброд.
Опять разноголосье, разногласья.
Опять вопрос – свобода или счастье?
Любовь – почти всегда слепой полёт.

Седьмое небо – весело и жутко!
Безумных звёзд ночной парад-алле.
Дух зимнего тепла в печной золе...

И всё.
И унеслась на помеле
Без пристежных ремней и парашюта.

* * *

Ни примириться,
Ни расстаться нам!..
Живём, накручивая стаж
Душевных краж и распродаж...

А гроздья
Белыя
Акации
Уже не наши...
И не наш
Весны блистательный кураж:
Дождей ночная презентация,
Беспутных молний злая грация,
Восторг листвы,
Ветвей овация –

Любви
Счастливый ералаш!..

* * *

Снегов закатных серебро и олово!..

Судьбы твоей костлявые углы
В поддых всё норовят локтями голыми.
Но лезут, но скулят,
Но кружат голову,
Но кружат неостуженную голову

Слова любви – метельны и белы...

Среди угля и пепла, и золы –
Снегов закатных
Серебро и олово...

* * *

Цепь лопнула –
Прервалась связь времён! –
И плюхнулось ведро с водой в колодец.
Вороны ахнули. Вороны в унисон
Откашлялись. Вороний камертон
Нам задал тон беседы. Иноходец,
Наш прыткий «запорожец» – инородец,
Рванул и, спотыкаясь, поскакал
По пыльной колее куда подальше.
А дальше заносило нас тем дальше,
Чем резче на лице твердел оскал.

Вот так сошлось.
Ну, что нам всё неймётся!
На ворот липнет пыль и грязь,
И брань...
И ты всё чаще слышишь: – Перестань!
Порвалась цепь? И ладно. Обойдётся.
Любовь – она, где тонко, там и рвётся.
И в этом, верно, скрытый есть резон,
Что запоздал он, твой вечерний звон...

И нам для утешенья остаётся
Лишь звяканье
На вороте колодца
Пустой скобы
Под выкрики ворон...

* * *

Бодливая гульливая скотина
Бродила в сухотравье у реки.
В реке мутнела глина,
Грелась тина.
В тени тянули пиво мужики.

Сочили ковыли жару и сухость,
И пыльная томилась благодать.
И было как-то сразу не понять,
Что неча нам виниться и пенять
На близорукость нашу
Да безрукость.

Что беды все и лиха пересилив,
Все скорби уместив в одной строке,
Щукарев раков в высохшей реке,
Мы с памятью земной накоротке

Обнимем небо –
Небо над Россией,
Над старой над своей Новороссией,

Вот это небо...
Здесь...
Невладеке.

* * *

Вино из одуванчиков
В стаканах Рея Бредбери,
Прозрения, пророчества,
Стругацкие с Азимовым!..
Давно не лезем в дебри мы,
Безропотно стареем мы,
Измотанные зимами
И засухами летними.

Но как оно заманчиво,
Вино из одуванчиков!..

Привет,
Шестидесятники
Семидесятилетние...

* * *

Осенний сумрак. Рядом – никого.
Сырая пыль, холодная и злая.
Её-то грязью мы и называем.

Как далеко до тёплых берегов!

Как далеко заводит нас свобода
Кондовой нашей фени – тёмный лес!
Вон пень-трухляк – торчит, аки дантес...
Поди, прощенья просит у народа...

Но это боль уже иного рода.

А тени чуждых ныне берегов
Бегут к тебе и задевают краем,
Где ты так безнадёжно узнаваем
Своим «и-а» на чьё-то «и-го-го»...

И сохнет пыль.
И грязь.
И те, кого
Ты не забыл,
Уходят в темь, пора им...

И, отболев разором и раздраем,
Мы новые надежды обретаем,
И это очень,
Очень нелегко...

* * *

Немолодые и усталые,
Говяды спят, скосив рога.
Судьба нашла,
Судьба достала их...
Бьёт свирестель. Цветёт куга.
Сом колобродит. Все при деле.
На УКВ рыдает Брамс.

И совмещаются пределы
Земных орбит,
Земных пространств...